

УДК 821.161.1

**МОТИВ АДСКОГО ВОЗДАЯНИЯ В РОМАНЕ В.П. АСТАФЬЕВА
«ПРОКЛЯТЫ И УБИТЫ»**

Елена Борисовна Воскобойникова

аспирант

boris252010@mail.ru

Мичуринский государственный аграрный университет

г. Мичуринск, Россия

Аннотация: В статье исследуется функционирование мотива адского воздаяния в романе В.П. Астафьева «Прокляты и убиты». Рассматривается как писатель создает художественное пространство, уподобленное преисподней. Доказывается, что Астафьев создает модель рукотворного ада, где протест писателя против обесценивания человеческой жизни выражается через трагические события войны и акцентируется несправедливость системы расчеловечивания. Ад у Астафьева – это не посмертное воздаяние, а реальность, сотворенная людьми на земле.

Ключевые слова: Виктор Астафьев, «Прокляты и убиты», мотив адского воздаяния, военная проза, человек на войне, смерть, наказание, режим расчеловечивания.

Роман Виктора Петровича Астафьева «Прокляты и убиты» (1992-1994) стоит особняком в русской литературе о Великой Отечественной войне. Отойдя от героико-патриотического канона, Астафьев предпринял попытку тотального переосмысления трагедии войны, написав все, по его мнению, «очень просто и жестко, как только и надо писать о войне» [2]. Это не только «окопная правда», это эмоциональное обращение человека, который сам был участником боевых действий и осмыслившего все с высоты прожитых лет и христианского миропонимания. Автор формирует характер повествования уже с названия, которое заимствованно из старообрядческой стихир, ведь «все, кто сеет на земле смуту, войны и братоубийство, будут Богом прокляты и убиты» [1]. Уже отмечалось, что роман «Прокляты и убиты» в рамки традиционной реалистической эстетики интегрировать не удастся, а антикоммунистическая направленность высказываний автора обнаруживает параллели с доминировавшими на рубеже 1980-1990-х годов тенденциями разоблачения в литературе, что обуславливало ее высокую читательскую востребованность [3]. Возможно, такая проза является следствием появившейся возможности выразить то, о чем писатель не мог говорить ранее.

Мотив адского воздаяния, причем ада прижизненного, земного, начинает воплощение в первой книге романа, которая носит символическое название – «Чертова яма». С первых страниц читатель погружается в пространство, наполненное непрекращающимся страданием, разница лишь в том, что ад – место, где грешники наказываются после смерти, в земном же чистилище виноваты все: и грешники, и праведники. Астафьев последовательно выстраивает модель ада. Описание места, куда попадают новобранцы 1924 года рождения, напоминает скорее потусторонний мир, нежели учебный полк под Бердском. Еще на перроне новобранцев встречает «словно бы на исходном дыхании испускаемый вой», и «не сразу, не вдруг новобранцы догадались, что этот туманный мир не воеет, он поет» [1]. Загаженная территория вокруг казарм, где нет места чистому белому снегу, символу святости, а есть лишь желто-бурые, серые и коричневые оттенки истоптанной, оскверненной земли. Суть этого

ада – казарма – «воистину антихристово пристанище, бесовское ристалище» [1]. Это замкнутое пространство, подавляющее человека своей теснотой, зловонием, холодом и полумраком. Очевидно, что перед нами – пограничье, промежуточное место между миром живых и миром мертвых, а в то же время «карантин двадцать первого полка, его преддверье, его привратье» [1]. Очевидно, что церковно-славянское слово «привратье» писатель использует не случайно, он предупреждает, что дальше – геенна огненная.

Мир «Чертовой ямы» искажает человеческое существование, стирает привычные устои. В конце концов, изображен мир, который населен существами, постепенно утрачивающими человеческий облик. Это место, где постоянно «увеличивалось количество доходяг» [1]. Солдаты не только мучаются физически, они разлагаются нравственно: «Слабовольные людишки страшно завидовали тем, кто обладал терпением» [1]. Примечательно, что ад этот создан руками людей. Показателен эпизод, когда командир насмерть забивает опустившегося доходягу или когда расстреливают двух братьев-близнецов, по незнанию отлучившихся из части. Это война не только с внешним врагом, но и торжество внутреннего, сатанинского начала, когда человек становится палачом для своего же брата. Именно об этом предупреждает эпитафия к первой книге из Послания апостола Павла к Галатам: «Если же друг друга угрызаете и съедаете, берегитесь, чтобы вы не были истреблены друг другом» [1]. В.П. Астафьев, посредством документально точного воссоздания тыловой действительности со всей ее грубой реальностью, грязью, произволом и насилием административного аппарата, раскрывает «свою» правду о войне и приводит читателя к выводу: «...войны в сущности все похожи друг на дружку. На них убивают людей! Все остальное не главное и пустяк по сравнению с этим» [2]. Астафьев настойчиво изображает страшные картины, но его цель – не смакование грязи и ужасов, а ответ на вопрос: «Мальчишек растят, спасают от зла, чтобы они творили еще большее зло в битве за добро?» [1]. Мотив адского воздаяния в романе имеет глубокое философско-религиозное обоснование.

Война в понимании писателя – это не героическое приключение, а преступление против жизни и наказание Божие. Страдания, выпавшие на долю новобранцев – это не только следствие преступной халатности или жестокости системы, но и неизбежность, которая не может быть иной в условиях военного времени. Пройдя через горнило этого предварительного, тылового ада, они готовятся к аду настоящему – на плацдарме, под пулями.

События второй книги «Плацдарм» разворачиваются в течение семи дней на клочке земли, захваченном при форсировании Великой реки. Это место – Великокриницкий плацдарм – становится для Астафьева пространственной проекцией ада. Река же здесь – это подобие Стикса, хотя герои романа живы, они понимают, что вряд ли вернуться. Персонажи романа попадают в ситуацию, когда живые часто завидуют мертвым, так как ад – не место для жизни.

Показательно описание переправы и самого плацдарма. Вода несет не спасение, а смерть, захлебывающихся, тонущих людей, которых расстреливают не только немцы, но и свои же заградотряды. Это деталь, которая обнажает чудовищную механику ада: «Убитых здесь не вытаскивали: пусть видят все – есть порядок на войне, пусть знают, что сделают с теми подонками и трусами, которые спутают правый берег с левым» [1].

Плацдарм отрезан от большого мира. Там, на левом берегу, остались политотдел, особый отдел, походно-полевые жены – словом, жизнь. Здесь же, на правом, – только смерть, холод, голод, вши и крысы. Это место, где человек борется за единственную ценность, данную ему Богом – жизнь. Астафьев пишет о солдатах, которые не оглядываются назад, потому что там уже ничего нет: «Что тут могла значить горькая доля одного маленького человека?» [1].

Главная деталь ада в романе – это обезличивание. Попадая в пространство плацдарма, человек перестает быть индивидуальностью. Астафьев показывает это с беспощадным натурализмом: «Меж столов сновали серые тени больных, опустившихся людей – не успеет солдат выплюнуть на стол рыбью кость, как из-за спины просовывается рука, цап ту кость, миску вылизать просят, по дну таза ложкой или пальцем царапают. Этих неприкаянных, без спроса ушедших из

казармы людей ловили патрули, дневальные, наказывали, увещевали. Но доходяги утратили всякое человеческое достоинство, забыли, где они и зачем есть, дошли уже до помоек...» [1].

Интересен контраст между советскими солдатами и немецкими. Астафьев вводит в повествование немецких солдат не для того, чтобы показать образа врага, а для того, чтобы продемонстрировать: смерть уравнивает всех. В аду национальность не имеет значения. Это предельное расширение границ ада: преисподняя не знает национальности, она всеобща, так как «на этот случай нет тут ни немца, ни турка, ни русского – болезненно-азартная психопатия – доклевывать подранка в крови у всякой земной твари, даже у веселых, вроде бы невинных пташек, а уж тварь под названием человек – где же обойдется без зверского порока» [1].

Мотив адского воздаяния во второй книге «Прокляты и убиты» – это не литературная метафора и не способ поразить читателя жестокостью. Это попытка Астафьева осмыслить войну в категориях христианского мировоззрения. Писатель, прошедший войну сам, показывает, как легко человек сбрасывает «богоданный облик» и как трудно, даже ценой жизни, его сохранить в условиях, где «все следы человечья, все лунки от копыт животных полны красной загустевшей жижей» [1].

Если «Чертова яма» – ад лагерный, ад преступления: против человека и человеческой личности, то вторая книга («Плацдарм») переносит героев в ад фронтовой, ад наказания: за преступление против Бога, жизни. Плацдарм на правом берегу Великой реки становится квинтэссенцией военного ада. Пространство здесь предельно сужено до клочка земли, вдавленного в воду и находящегося в зоне кругового обстрела: «вперед, вперед к облачно плавающим, рыже светящимся земляным валам – там незатухающими свечами, пляшущим и плюющим в лицо пламенем – означен путь в преисподнюю» [1]. Это территория тотальной и неизбежной смерти: огонь, кровь, развороченная земля, разорванные тела. Важнейшей деталью является обесценивание смерти: гибель тысяч людей ради удержания этого клочка земли лишена у Астафьева

героического пафоса, представляя абсурдной и ужасающей. Ад плацдарма характеризуется как механизированный, конвейерный процесс массовой гибели, ведущий к деиндивидуализации. Отмечается существенное отклонение от традиционного для Астафьева образа природы как спасительной силы, ведь Великая река становится рекой смерти, а земля – могилой.

Война для писателя – не стихийное бедствие, а закономерный результат функционирования системы, коренящейся на принципах принуждения, насилия, фальсификации информации и нивелирования человеческой жизни.

Астафьевский ад выходит за рамки военного повествования, выступая в качестве осмысления сущности расчеловечивания. Можно сказать, что Астафьев видел в советском государстве 1930-40-х годов ад, созданный человеком.

И.А. Есаулов отмечает: «Можно сказать, что поругание – последнее, посмертное проклятие от “подлой советской аристократии”, в своем элитном благополучии охраняемой выползшими из этой земли фонарями-змеями, с которыми продолжает борьбу – по ту сторону жизни – ушедшая рать. Значит ли это, что змей-сатана, однажды уже посрамленный, вполне торжествует ныне?» [4]

Проклятие затрагивает не только жертв боевых действий, но и всех людей, чьи души были искалечены авторитарным режимом. Таким образом, название романа приобретает универсальное звучание, артикулируя осуждение целой эпохи, где палачи и жертвы, в разной степени, оказываются узниками коллективного ада, который сами же и создали. В этом и заключается трагический гуманизм Астафьева: писатель отказывается от дихотомического мировосприятия, демонстрируя всеобщее погружение в страдания, преодоление которых возможно лишь посредством покаяния и сохранения памяти. «Самая мучительная в русской литературе книга» – так охарактеризовал роман В.Я. Курбатов на церемонии вручения премии имен А. Солженицына в 2009 году, посмертно присужденной Астафьеву, а правду писателя определил как «опережающую историческое время» [5].

Мотив адского воздаяния в «Проклятых и убитых» является ключом к пониманию астафьевской концепции войны. Это целостная художественная

система, в которой ад деконструируется как посмертное воздаяние. Напротив, он показан как трагедия, порожденная человеческими действиями, направленными на уничтожение всего живого. Война, по Астафьеву – это земной ад, где доминирующим последствием будет утрата духовной составляющей. Астафьев, апеллируя к архетипу ада, вывел военную прозу до уровня трагического эпоса, сосредоточив внимание на сохранении человечности в условиях, сопоставимым с чистилищем. Его роман – это реквием не только «проклятым и убитым», но и страшному процессу превращения земли в ад, ставшему возможным при сознательном игнорировании христианских заповедей и человечности.

Список литературы:

1. Астафьев В.П. Собрание сочинений: В 15 т. Т. 10. Роман «Прокляты и убиты» / Красноярск: ПИК «Офсет», 1997. 766 с.
2. Астафьев В.П. Нет мне ответа // Иркутск: Издатель Сапронов, 2009. 803 с.
3. Гончаров, П. А. Творчество В. П. Астафьева в контексте русской прозы 1950-1990-х годов: монография // М.: Высшая школа, 2003. 386 с.
4. Есаулов И.А. Сатанинские звезды и священная война // Новый мир. 1994. №4.
5. Курбатов В.Я. Слово при вручении Литературной премии Александра Солженицына В.П. Астафьеву // Русский путь. – URL: <https://www.rp-net.ru/book/premia/2009/kurbatov.php>

UDC 821.161.1

THE MOTIVE OF HELLISH REVENGE IN V.P. ASTAFYEV'S NOVEL "THE CURSED AND THE KILLED"

Elena B. Voskoboynikova
postgraduate student

boris252010@mail.ru

Michurinsk State Agrarian University

Michurinsk, Russia

Abstract: The article is devoted to the study of the functioning of the motive of hellish retribution in Viktor Petrovich Astafyev's novel "The Cursed and The Killed." The author analyzes how the writer creates an artistic world that resembles the underworld. The study argues that Astafyev creates an image of a man-made hell, where the writer's protest against the dehumanization and destruction of human lives is expressed through the tragic events of the war and emphasizes the injustice of the dehumanization regime. In Astafyev's novel, hell is not a punishment for sins after death, but rather a reality created by human actions on earth.

Keywords: Viktor Astafyev, "The Cursed and The Killed," the motif of hellish retribution, war prose, man in war, death, punishment, dehumanization regime.

Статья поступила в редакцию 25.02.2026; одобрена после рецензирования 20.03.2026; принята к публикации 31.03.2026.

The article was submitted 25.02.2026; approved after reviewing 20.03.2026; accepted for publication 31.03.2026.